

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯЩЕННЫХ ПЯТЫМЪ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть четыре руб., съ пересылкою пять р. с. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кievской семинаріи.

№ 34.

1870 года. Августа 23-го.

Содержаніе: Что болѣе всего потребно пастырю Церкви, чтобы благоуспѣшно и благоплодно проходить пастырское служеніе?—Истинные вселенскіе соборы въ сопоставленіи съ нынѣшнимъ мнимо-вселенскимъ соборомъ въ Римѣ.— Воскресныя бесѣды.

ЧТО БОЛѢЕ ВСЕГО ПОТРЕБНО ПАСТЫРЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ БЛАГОУСПѢШНО И БЛАГОПЛОДНО ПРОХОДИТЬ ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНІЕ⁽¹⁾.

Вмѣстѣ съ искреннею и пламенною любовію къ Богу пастырь Церкви, для благоуспѣшности и благоплодности своего пастырскаго служенія, долженъ соединять глубокую и дѣятельную любовь къ ближнимъ. Заповѣдь Божию: *возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе* (Лук. 10, 27), пастырь церкви долженъ исполнять болѣе, чѣмъ кто либо другой. Великая награда ожидаетъ на небѣ пастыря Церкви, если онъ, ревнуя о спасеніи своихъ пасомыхъ, своею ноутомимою пастырскою дѣятельностію всѣхъ ихъ управитъ въ царствіе небесное: *иже аще разоритъ едину заповѣдь*

¹⁾ См. № 33—II.

дей сихъ малыхъ, и научитъ тако человекъ, мнѣй наречется въ царствіи небесныхъ: и иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небесныхъ, сказалъ самъ Иисусъ Христосъ. (Мат. 5, 19). Съ другой стороны тяжелая отвѣтственность падеть на него на страшномъ судѣ Христовомъ, если, по нерадѣнію его къ своимъ обязанностямъ, погибнетъ хотя одна изъ словесныхъ овецъ, ввѣренныхъ Богомъ водителству его. Сыне человекъ, сказалъ Господь Богъ пророку Іезекіилю, а въ лицѣ его всѣмъ пастырямъ Церкви, *стража дахъ ты Дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ Моихъ и воспретииши имъ отъ Мене. Внегда глаголати Ми беззаконному: смертію умреша: и невозвѣстиши ему, ни соглаголеши, еже оставится беззаконнику и обратится отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея възышу* (Іез. 3, 17, 18). Понятно поэтому, что пастырь Церкви долженъ употреблять всѣ находящіяся въ рукахъ его средства къ тому, чтобы пасомые его, живя на землѣ, постоянно держали правую вѣру въ Бога и ходили по стезямъ заповѣдей Его, дабы онъ могъ на страшномъ судѣ съ дерзновеніемъ сказать Богу предъ лицомъ всей вселенной: *се азъ и дѣти мои, яже ми далъ есть Богъ*. Но достанетъ ли у пастыря Церкви охоты, усердія и терпѣнія поднимать всѣ подвиги и труды, необходимо соединенные съ точнымъ исполненіемъ сихъ многотрудныхъ и высокихъ пастырскихъ обязанностей его, если сердце его не будетъ согрѣто искреннею любовію къ ближнему? Захочетъ ли напр. онъ тогда невѣдущаго учить истинѣ, маловѣрующаго укрѣплять въ вѣрѣ, невѣрующаго и лжевѣрующаго обличать и посрамлять, малодушнаго и отчаяннаго утѣшать и ободрять, падающаго возсталять и исправлять, короче, захочетъ ли онъ, подобно апостолу Павлу, *всѣмъ вся быти да всяко ныкія*

пріобрѣтеть и спасетъ (Кор. 9, 22)? Что побуждаетъ родителей неутомимо заботиться объ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ воспитаніи своихъ дѣтей, чтобы содѣлать ихъ и истинными чадами Церкви Христовой и полезными членами гражданскаго общества? Единственно глубокая и сильная любовь къ нимъ. И пастырь Церкви въ такомъ только случаѣ можетъ постоянно и неутомимо заботиться о правой вѣрѣ и доброй христіанской нравственности своихъ пасомыхъ, если онъ будетъ любить ихъ какъ самаго себя. Только при этомъ условіи онъ будетъ дорожить вѣчнымъ спасеніемъ ихъ также, какъ своимъ собственнымъ, только при этомъ условіи всѣ подвиги и труды, подъемлемые имъ для устройства спасенія ихъ, покажутся для него легкими и даже пріятными. И такъ пастырямъ церкви необходимо вмѣстѣ съ стяжаніемъ глубокой, пламенной и неослабной любви къ Богу, стяжать искреннюю и глубокую любовь къ ближнимъ; которая, по апостолу, *есть союзъ совершенства* (Кол. 3, 14). Для сего твердо и постоянно нужно памятовать съ одной стороны о томъ высокомъ назначеніи, для котораго созданы и возсозданы Богомъ ближніе наши, какъ сотворенные по образу и по подобію Его, а съ другой—о тѣхъ гибельныхъ, какъ для всякаго христіанина вообще, такъ особенно для пастыря церкви, послѣдствіяхъ, какія влечетъ за собою недостатокъ искренней любви къ ближнему.

И вообще пастырь церкви, чтобы сдѣлать свое служеніе благоуспѣшнымъ и благотворнымъ, долженъ заботиться о проявленіи въ жизни своей всѣхъ возможныхъ для человѣческой природы добродѣтелей христіанскихъ. Наставленіе апостола Павла Тимоею: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. 4, 12) нужно относить ко всѣмъ пастырямъ церкви. И самая глубокая и обширная ученость и самое сильное и пламен-

ное краснорѣчіе мало помогутъ пастырю Церкви въ дѣлѣ руководства пасомыхъ ко спасенію, если жизнь его будетъ стоять въ противорѣчій съ тѣми нравственными истинами, которыя онъ будетъ стараться проводить въ жизнь и дѣятельность ихъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, пастырь Церкви насадитъ въ сердцахъ своихъ пасомыхъ, положимъ, смиреніе, нестяжательность, братолюбіе, воздержаніе и другія добродѣтели, если самъ будетъ чуждъ ихъ? Пасомые, слушая нравственныя наставленія своего пастыря, хотя бы весьма глубокія и краснорѣчивыя, но не видя осуществленія ихъ въ жизни его, естественно, если не открыто, то по крайней мѣрѣ въ умѣ своемъ скажутъ ему: *врачу, исцѣлился самъ* и не укоренятъ оныя въ сердцахъ своихъ. Это—потому, что примѣръ жизни нашей сильнѣе всякаго слова располагаетъ близкихъ нашихъ къ тому или другому образу дѣйствованія. Здѣсь кроется объясненіе того, почему простое, безхитрое слово благочестиваго пастыря церкви глубже и сильнѣе дѣйствуетъ на волю и сердце слушателей, чѣмъ самая пламенная и краснорѣчивая рѣчь такого пастыря, который не проявляетъ въ жизни своей духа особеннаго благочестія. Не отъ того ли и книжники и фарисеи, не смотря на то, что почивали на законѣ Моисеевомъ, рѣчами своими мало привлекали на свою сторону слушателей, а св. апостолы, не наученные чело-вѣческой мудрости и предлагавшіе ученіе Христова *не въ наученныхъ и не въ препретельныхъ челоувѣческихъ мудрости словесехъ*; ученіемъ своимъ просвѣтили весь міръ и привели ко Христу вся концы? Имѣя это въ виду, неослабно должно заботиться, при помощи благодати всесвятаго Духа, насаждать и убрѣплять въ сердцахъ своихъ начатки всѣхъ возможныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Для сего пастырь Церкви не только всегда долженъ помышлять, но и всегда творить *елика суть истина, елика честна,*

елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала (Филип. 4, 9).

Наконецъ пастырь Церкви, если желаетъ содѣлать свое служеніе благоуспѣшнымъ и благотворнымъ, долженъ имѣть правильное и основательное образованіе. Онъ первѣе всего долженъ имѣть обширныя и основательныя свѣденія во всѣхъ предметахъ, составляющихъ область христіанской религіи; потому что онъ не можетъ просвѣтити своихъ пасомыхъ свѣтомъ истиннаго богопознанія и богопочтенія, къ чему онъ обязанъ званіемъ своимъ, если самъ будетъ чуждъ познаній христіанской религіи. Но онъ долженъ имѣть болѣе или менѣе обширныя и глубокія познанія и во многихъ другихъ предметахъ, не входящихъ въ составъ христіанской религіи, особенно въ тѣхъ, знаніе которыхъ можетъ дать ему оружіе для успѣшной борьбы съ невѣріемъ, лжевѣріемъ и суевѣріемъ. И это понятно: пастырямъ церкви, какъ всѣмъ извѣстно, часто приходится имѣть дѣло не только съ людьми темными, необразованными, но и съ просвѣщенными, образованными; не только съ вполне и безусловно вѣрующими во всѣ истины христіанства, но и съ сомнѣвающимися и даже отвергающими многія изъ нихъ, каковыхъ, къ прискорбію, очень много въ настоящее время даже среди именующихся христіанами. Понятно, что вполне убѣдить въ истинахъ христіанской религіи образованныхъ людей, руководствующихся болѣе всего началами разума, тѣмъ болѣе побѣдить невѣріе и лжевѣріе, показавши всю нелѣпость и не состоятельность ихъ, для пастыря церкви будетъ очень затруднительно, если умъ его неразвитъ надлежащимъ образомъ и онъ не обладаетъ обширнымъ запасомъ свѣденій не только въ религіи христіанской, но и во многихъ предметахъ, входящихъ въ область такъ называемаго свѣтскаго образованія. Не даромъ многіе изъ св. отцевъ Церкви не

прежде принимали на себя высокое званіе пастыря церкви, какъ образовавши свой умъ науками и основательно познакомившись не только съ истинами Христіанства, но и со всѣми предметами, какіе преподавались въ ихъ время въ языческихъ школахъ. Это дѣлали они съ тою цѣлію, чтобы въ знаніи получать оружіе, потребное для успѣшной борьбы съ языческими учеными и философами, возстававшими противъ христіанской религіи; за то и побѣда, которую они одерживали надъ сими врагами христіанства, поражая ихъ лжеученіе ихъ же собственнымъ оружіемъ, была, какъ свидѣтельствуется исторія церкви, самая блистательная. Заключение, какое отсюда вытекаетъ для пастырей духовныхъ очень понятно: во время воспитанія они должны запастись сколько возможно обширными и основательными познаніями не только въ наукахъ, которыя излагаютъ истины христіанской религіи, но и во всѣхъ наукахъ, какія преподаются въ духов. училищахъ и семинаріяхъ для развитія ума и для сообщенія познаній и средствъ для борьбы съ врагами истинъ христіанской религіи. И послѣ должны во всю жизнь чтеніемъ и размышленіемъ не только поддерживать познанія, пріобрѣтенныя во время воспитанія, но укрѣплять ихъ и расширять, помня что въ этомъ заключается одно изъ дѣйствительныхъ средствъ надлежащимъ образомъ—спасительно для себя и благоплодно для другихъ проходить высокое пастырское служеніе.

Свящ. П. Смирновъ.

ИСТИННЫЕ ВСЕЛЕНСКІЕ СОБОРЫ ВЪ СОПОСТАВЛЕНІИ
СЪ НЫНѢШНИМЪ МНИМО-ВСЕЛЕНСКИМЪ СОБОРОМЪ
ВЪ РИМѢ ¹⁾.

Въ 553 году по рождествѣ Христовѣ, на 27-мъ году царствованія императора Юстиніана былъ созванъ имъ пятый вселенскій соборъ въ Константинополѣ.

Поводъ и цѣль созванія этого вселенскаго собора обстоятельно изложены въ императорской грамотѣ, читанной при открытіи собора на первомъ его засѣданіи. Грамота эта дана была Юстиніаномъ патріархамъ Евтихію константинопольскому, который предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ, Аполлинарію александрійскому, Домнину еонопольскому (антіохійскому), епископамъ: Стефану, Георгію и Даміану, занимавшимъ мѣсто патріарха іерусалимскаго Евстахія, и прочимъ благоговѣйнымъ епископамъ, собравшимся въ Константинополѣ въ числѣ 165-ти изъ разныхъ странъ имперіи.

»Искоренять возникавшія по временамъ ереси посредствомъ собиранія благоговѣйнѣйшихъ епископовъ и единодушнымъ провозглашеніемъ правой вѣры доставлять миръ святой церкви Божіей, пишетъ Юстиніанъ въ своей грамотѣ, было всегдашнею заботою православныхъ и благочестивыхъ императоровъ, предковъ нашихъ, — и въ доказательство этого указываетъ какъ блаженной памяти императоръ Константинъ созвалъ въ Никей соборъ 318 св. отцевъ, которые осудили Арія и изложили символъ вѣры, какъ Θεодосій старшій собралъ въ Константинополѣ 150 епископовъ, низложившихъ Македонія и пзъяснившихъ ученіе о домо-строительствѣ воплотившагося Бога Слова и ученіи о Божествѣ Святаго Духа, какъ потомъ Θεодосій младшій созвалъ соборъ въ Ефесѣ, гдѣ святые отцы въ числѣ 210-ти,

¹⁾ См. № 18—й.

слѣдующа во всемъ тому, что опредѣлено относительно вѣры прежними святыми соборами, осудили Несторія и утвердили ученіе о Приснодѣвѣ Маріи, какъ о Богородицѣ, наконецъ, какъ императоръ Маркіанъ собралъ въ Халкидонѣ 630 св. отцевъ для низложенія Евтихія съ его нечестивымъ лжеученіемъ о неединосущности тѣла Христова съ нашимъ. Слѣдующа благочестивому примѣру своихъ предшественниковъ, говоритъ императоръ Юстиніанъ, въ заключеніи своей грамоты, онъ для умиротворенія Церкви, волнуемой ересями и особенно ложнымъ ученіемъ, разсѣяннымъ въ такъ называемыхъ *трехъ главахъ*, рѣшился созвать пятый вселенскій соборъ въ Константинополь.

По смерти императора Маркіана возникъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи споръ о халкидонскомъ соборѣ. Императоръ Левъ требовалъ, чтобы каждый епископъ имперіи далъ лично отъ себя мнѣніе объ этомъ соборѣ; но не смотря на единодушное признаніе халкидонскаго собора истинно-вселенскимъ, всѣми епископами, послѣдователи Несторія и Евтихія возмущали Церковь и произвели въ ней расколы. Императоръ Юстиніанъ, по вступленіи на престолъ, возымѣлъ благую мысль умиротворить Церковь. Онъ повелѣлъ провозглашать въ церковныхъ диптихахъ халкидонскій соборъ наравнѣ съ первыми тремя вселенскими соборами и изгналъ всѣхъ приверженцевъ Несторіева лжеученія. Въ силу этого узаконенія лжеучители, не имѣя возможности распространять свою ересь подъ именемъ Несторія, вздумали ввести оную въ Церковь 1) посредствомъ сочиненій Θεодора, бывшаго епископа монсуетскаго, который нечестиво утверждалъ, что иное—Богъ Слово, иное—Христось, 2) посредствомъ сочиненій Θεодорита, бывшаго еп. кирскаго, писанныхъ противъ перваго Ефесскаго собора и Кирилловыхъ двѣнадцати главъ, особенно же 3) посредствомъ посланія Ивы, бывшаго епископа едесскаго къ еретигу Марѣ Персу,

въ которомъ онъ отрицаетъ, что Богъ Слово содѣлался чело-
вѣкомъ и что св. славная Приснодѣва Марія есть Бого-
родица. Въ этомъ же посланіи осуждается первый ефесскій
соборъ, а Феодоръ мопсуетскій и Несторій оправдываются и
одобряются. Объ этихъ то сочиненіяхъ Феодора мопсуетска-
го, Феодорита кирскаго и Ивы едесскаго предстояло собору
разсужденіе, подъ именемъ изслѣдованія о *трехъ главахъ*.

Въ то время, какъ созванъ былъ пятый вселенскій со-
боръ, былъ призванъ въ Константинополь императоромъ
Юстиніаномъ и римскій папа Вигилій. На вопросъ импера-
тора о *трехъ главахъ*, Вигилій нѣсколько разъ письменно
предалъ анаѳемѣ эти нечестивыя главы. Присутствовать на
соборѣ папу приглашали сначала восточные патріархи, а за-
тѣмъ и самъ императоръ чрезъ своихъ сановниковъ и нѣ-
которыхъ епископовъ, чтобы вмѣстѣ со всеми епископами
и съобща разсудить о вышеупомянутыхъ главахъ. Но Ви-
гилій отвѣчалъ, что онъ окажетъ свое содѣйствіе собору,
самостоятельно дѣйствуя по вопросу о трехъ главахъ.
Недожидая болѣе согласія Вигилія прибыть на соборъ, им-
ператоръ повелѣлъ открыть оный и *безъ папы*.

По прочтеніи императорской грамоты, по предложенію
св. собора прочитано было посланіе восточныхъ патріар-
ховъ къ Вигилію съ приглашеніемъ его на соборъ, и отвѣт-
ное посланіе папы. Въ этомъ посланіи къ патріархамъ онъ,
между прочимъ, пишетъ: »зная силу вашей просьбы, мы со-
гласны, сдѣлавъ законное собраніе, съ соблюденіемъ спра-
ведливости, предъ св. евангеліемъ на срединѣ, разсудить
вмѣстѣ съ единодушными *братіями* о трехъ главахъ, изъ
за которыхъ возникъ вопросъ, и дать рѣшеніе, угодное Богу
и согласное съ тѣмъ, что опредѣлено четырьмя св. собо-
рами; ибо мы умѣемъ хранить полное уваженіе къ упомя-
нутымъ соборамъ, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ и *об-*

шее исповданіе 1). Какое, повидимому, единомысліе папы съ вселенскою Церковію! Онъ и *братъ* членовъ собора, и уважаетъ всѣ соборы, и исповѣдуетъ то, что на нихъ утверждено и разъяснено. Но не смотря на это видимое единомысліе папа двоедушничалъ. Давъ согласіе прибыть на соборъ и дѣйствовать съ отцами онаго за одно, онъ всячески началъ уклоняться отъ участія въ соборѣ, и не явился на первое засѣданіе онаго. Соборъ, на основаніи церковныхъ правилъ, могъ бы потребовать Вигиліа формально и не отложно, и въ случаѣ его сопротивленія, подвергнуть его суду, какъ ослушника церковной власти; но изъ уваженія къ Вигилію, какъ рѣдкому гостю, по снисходительной любви къ тому, кто письменно заявилъ свое единомысліе съ вселенскою Церковію, и по уваженію къ мѣсту, занимаемому римскимъ первосвятителемъ въ древней столицѣ имперіи, св. соборъ отпраздновалъ въ папѣ для личныхъ переговоровъ патріарховъ съ нѣсколькими епископами для приглашенія его явиться на соборъ. Вигилій не посмѣлъ явно противорѣчить такой знаменитой депутаціи и сказалъ, что онъ по слабости здоровья не можетъ прибыть на соборъ, и обѣщавъ на слѣдующій день объявить, *какого онъ мнѣнія о такомъ соборѣ*. Подлинная причина, почему папа не являлся на соборъ, заключалась, какъ объяснили епископы, ходившіе къ нему съ приглашеніемъ на соборъ, въ томъ, что восточныхъ епископовъ тамъ очень много, а съ нимъ мало. Напрасно восточные отцы указывали Вигилію, что и на прежнихъ соборахъ ни разу не было большаго количества западныхъ епископовъ. Папа не отступалъ отъ своего упорства. Тогда св. отцы восточные принуждены были ска-

1) Тамъ же стр. 43. подъ общимъ исповѣданіемъ — разумѣется символъ вѣры одинъ у восточныхъ и западныхъ, въ то время еще не испорченный вставкою *Filioque*

затѣ Вигилію: »если вы не хотите поступать согласно съ тѣмъ, что нами опредѣлено, и присутствовать на соборѣ, то пусть вѣдаетъ ваше блаженство, что мы и одни должны, собравшись вмѣстѣ, объявить наше мнѣніе«¹⁾). Объ этомъ донесено было императору, который всемирно желая всеобщаго единомыслія въ пастыряхъ Церкви, послалъ къ Вигилію съ своими сановниками и съ нѣсколькими епископами отъ себя приглашеніе явиться на соборъ. Папа просилъ отсрочки, императоръ отвѣчалъ: »если вы явитесь на соборъ вмѣстѣ съ блаженнѣйшими патріархами и благоговѣннѣйшими епископами, съ намѣреніемъ обсудить и рѣшить дѣло о трехъ главахъ съобща, то я даю вамъ отсрочку не только ту, какой вы просите, но еще большую; если же твое блаженство хочетъ заявить свое мнѣніе отдѣльно и самостоятельно, то и отъ собора тѣхъ благоговѣннѣйшихъ епископовъ, которые съ этою цѣлію вызваны и столько времени здѣсь, мы также должны узнать, какого они мнѣнія объ этихъ трехъ главахъ«²⁾). Но упорный папа отвѣчалъ, что онъ выскажетъ свое отдѣльное мнѣніе и сообщитъ его государю.

Кромѣ папы на соборѣ не было еще изъ находившихся въ Константинополѣ епископовъ: Примазія—изъ Африки и Савиніата, Проекта и Павла изъ Иллиріи. И къ нимъ посланы были отъ собора епископы для убѣжденія придти въ собраніе и принять участіе въ дѣянiяхъ собора. Пресвитеръ Аммоній, бывший у Примазія, отвѣчалъ прямо: »такъ какъ папа не предѣдательствуетъ, то я не иду«³⁾). Иллирійскіе же епископы отказались отъ участія въ соборѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣтъ на лицо ихъ архіепископа. Такимъ образомъ изъ всѣхъ собравшихся, по желанію императора,

¹⁾ Тамъ же стр. 48. ²⁾ Тамъ же стр. 50, 51.

³⁾ Тамъ же стр. 53-я.

въ Константинополѣ отцевъ отказались отъ участія въ соборѣ только четыре епископа подъ благовидными предлогами, да папа по упорству и стремленію къ *самостоятельности*.

Послѣ этихъ предварительныхъ совѣщаній о соборѣ приступлено было въ третьемъ засѣданіи къ разсмотрѣнію самыхъ вопросовъ, возбудившихъ волненіе въ Церкви и требовавшихъ опредѣленнаго рѣшенія.

Дѣянія сего собора начаты были съ утвержденія всего того, что сдѣлано было предшествующими четырьмя вселенскими соборами и потомъ рѣшено было приступить къ сужденію *о трехъ главахъ*, т. е. 1) о Θεодорѣ мопсуетскомъ и его сочиненіяхъ, 2) о сочиненіяхъ Θεодорита кирскаго, которыя направлены противъ святой вѣры и памяти св. Кирилла александрійскаго и его двѣнадцати главъ и 3) о посланіи Ивы едесскаго къ Мирѣ Персу.

Въ четвертомъ собраніи потребовалось не мало времени для прочтенія тѣхъ мѣстъ изъ сочиненій Θεодора мопсуетскаго, за которыя онъ обвиняемъ былъ св. отцами. По требованію собора одинъ изъ нотаріевъ (діаконъ Калининъ) прочиталъ 71 статью: изъ книгъ Θεодора противъ Аполлинарія, изъ его толкованій на разныя мѣста свящ. писанія, изъ книгъ о воплощеніи, изъ толкованія символа 318 св. отцевъ, изъ книги къ готовящимся ко крещенію, его мнѣнія, изложенныя и опровергнутыя Кирилломъ и его порицанія на книгу Іова и злословія на книгу пѣснь пѣсней. Въ первыхъ 54 статьяхъ излагается съ разныхъ сторонъ то нечестивое лжеученіе объ Іисусѣ Христѣ, что »Богъ Слово, по предвѣденію зная Его добродѣтели, въ самомъ началѣ Его тѣлеснаго образованія благоволилъ всецѣло обитать въ Немъ, и-соединяя Его съ Собою дѣйствіемъ воли, сообщивъ Ему нѣкоторую преизбыточествующую благодать..... и что Іисусу Христу, какъ человѣку, который воспринять Госпо-

домъ, дано нѣчто преимущественное предъ всѣми«¹⁾. Въ статьяхъ 55—62 разсѣяно лжеученіе о происхожденіи зла и грѣха, которыхъ творцемъ Θεодоръ почитаетъ Бога. Въ 63—67 статьяхъ порицается книга Іова и злословится писатель ея, наконецъ въ 68—71 ст. изрыгается самая отвратительная хула на книгу »Пѣснь пѣсней«. Эту книгу онъ, въ безуміи, называетъ застольною пѣснію, подобною той, которую Платонъ написалъ подъ именемъ »пиршество любви«. Въ заключеніе прочитанъ былъ нечестивый символъ Θεодоровъ, въ которомъ собранъ такъ сказать въ одинъ экстрактъ весь ядъ, разлитый въ разныхъ сочиненіяхъ его. Послѣ того, какъ прочитаны были богохульства Θεодора мопсуетскаго и его нечестивый символъ, отцы св. собора воскликнули: »этотъ символъ составилъ сатана. Анаѳема тому, кто составилъ сей символъ! Символь этотъ вмѣстѣ съ его составителемъ анаѳематствовалъ первый ефесскій соборъ. Мы знаемъ одинъ только символъ вѣры, — тотъ, который составили и предали намъ св. отцы никейскіе. Сей символъ предали намъ и святые три собора: въ немъ мы крещены и въ немъ мы крестимъ.... Анаѳема Θεодору мопсуетскому.... Θεодора и писанія его мы всѣ анаѳематствуемъ«²⁾).

Хотя множество прочитанныхъ въ этомъ собраніи богохульствъ Θεодора давали право св. собору осудить его безъ дальнѣйшаго изслѣдованія; однако св. соборъ не постановилъ въ этотъ разъ опредѣленія, а потребовалъ, чтобы въ слѣдующемъ засѣданіи прочитано было то, что противъ Θεодора и его богохульствъ написано было святыми отцами, и что содержится въ императорскихъ законахъ и историческихъ писаніяхъ. Результатъ этого въ пятомъ собраніи

¹⁾ Тамъ же, Іюль, 1848, дѣян. вс. соборовъ т. V, стр. 91.

²⁾ Тамъ же, Іюль, дѣян. вс. собор. т. 5, стр. 106, 107.

читаны были направленные противъ Θεодоровыхъ лжеученій отрывки изъ твореній св. Кирилла, изъ прошеній, поданныхъ пресвитерами и діаконами Проклу, патріарху константинопольскому, изъ книгъ Прокла, писанныхъ къ армянамъ, затѣмъ изъ посланій св. Кирилла къ клирикамъ и пресвитеру Лампону и къ епископамъ: Агакію мелитенскому, Θεодоту анкирскому, Раввулъ едесскому и къ монахамъ, наконецъ — изъ посланія Раввулы, писаннаго къ св. Кириллу противъ нечестиваго Θεодора. Во всѣхъ этихъ писаніяхъ святыхъ отцевъ съ силою и очевидностію опровергаются ложныя мнѣнія Θεодора. Послѣ сего, согласно порядку, указанному св. соборомъ въ началѣ засѣданія, прочитанъ былъ отрывокъ изъ исторіи Исихія пресвитера іерусалимскаго, въ которомъ онъ касается жизни Θεодора до поступленія его въ епископа мопсуетскаго и сжато излагаетъ сущность его лжеученій. Соответственно тому же предъуказанному соборомъ порядку, прочитаны были и два узаконенія императоровъ Θεодосія и Валентиніана, въ которыхъ не только подвергаются суду Несторій и Θεодоръ, но и сочиненія ихъ обрекаются на сожженіе, а имущество послѣдователей ихъ подвергается конфискаціи.

Противъ обвиненія Θεодора защитники его представляли нѣчто изъ написаннаго Θεодоритомъ къ Кириллу въ защиту Θεодора и изъ его же посланія къ двоюженцу Іеренату, также отрывокъ посланія Кириллова къ нему же, въ которомъ св. Кирилла, по видимому, одобряетъ Θεодора. Но св. соборъ, выслушавши этотъ отрывокъ сказалъ: «прочитанное показало, что блаженной памяти Кирилла употребилъ этого рода слова, обличая Θεодора и нечестивыя его сочиненія, а не высказывая какую либо похвалу ему». Но самымъ сильнѣйшимъ защищеніемъ Θεодора еретики считали и представляли посланія къ Θεодору, будтобы писанныя св. Григоріемъ Назіанзинномъ, въ которыхъ святитель отзывается

о Θεодорѣ съ любовію и одобреніемъ. По прочтеніи нѣсколькихъ отрывковъ изъ этихъ посланій, Евфранта епископъ тѣанскій заявилъ, что эти письма были писаны вовсе не къ Θεодору монсуетскому, а къ другому Θεодору—который на его памяти былъ епископомъ тѣанскимъ. Въ подтвержденіе этого свидѣтельства, Θεодотій епископъ Юстиніанопольскій объявилъ, что между областію второю Биликією, гдѣ былъ городъ Монсуеть, и—тѣанскою никогда не было никакой связи и что св. Григорій не имѣлъ ни надобности, ни случая писать въ Монсуеть. Св. соборъ, выслушавши эти показанія, призналъ, что посланія св. Григорія, на которыхъ еретики опирали защиту Θεодора, были писаны къ Θεодору, но не монсуетскому, а къ тѣанскому.

Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о сочиненіяхъ Θεодора монсуетскаго было уже совершенно подготовлено св. соборомъ на основаніи самыхъ подробныхъ и точныхъ разслѣдованій. Но о лицѣ самаго Θεодора предлежало еще рѣшить довольно трудный вопросъ: онъ давно уже умеръ,—такъ должно ли осуждать еретиковъ по смерти?

Для рѣшенія этого вопроса св. соборъ повелѣлъ прочесть изъ первой книги Кирилла противъ Θεодора то мѣсто, гдѣ святитель доказываетъ, что еретиковъ должно отвергать въ живыхъ ли они находятся, или нѣтъ¹⁾. Секстиліанъ епископъ изъ Африки заявилъ, что въ Кареагенѣ издавна виновные въ сочувствіи къ еретикамъ подвергались анаѳемѣ и послѣ смерти, и представилъ нѣсколько писемъ блаженнаго Августина, въ которыхъ говорится также, что еслибы неправомудрствовавшіе въ своей жизни не были осуждены еще въ живыхъ, то таковыя пусть подвергнутся анаѳемѣ и послѣ смерти²⁾. Нѣкоторыми епископами пред-

¹⁾ Прав. соб. 1869. апр. дѣян. вид. соб. т. 5, стр. 161.

²⁾ Бл. август. писемъ. 50, 5. кн. 7, гл. 3, кн. 3, гл. 35, 39.

ставлены были и примѣры того, какъ Церковь и прежде осуждала еретиковъ послѣ ихъ смерти. Но этимъ свидѣтельствамъ приверженцы Несторія и Θεодора могли противопоставлять посланіе, писанное, будтобы, св. Кирилломъ къ Іоанну епископу антиохійскому, гдѣ проводится та мысль, что судъ надъ умершими еретиками должно предоставить одному Богу. Это посланіе, по сличеніи мыслей и склада его съ другими сочиненіями св. Кирилла, признано св. отцами подложнымъ, въ доказательство этого прочитанъ былъ отрывокъ изъ подлиннаго отвѣтнаго письма Кириллова къ Іоанну, гдѣ произносится анаѳема на Несторія и всѣхъ слѣдующихъ ему, или мудрствовавшихъ подобно Несторію прежде него. И что св. Кириллъ разумѣлъ здѣсь именно Θεодора мопсуетскаго и Діодора тарсійскаго, — въ подтвержденіе этого прочитаны были отрывки изъ посланій его къ Акакію епископу мелитенскому и къ императору Θεодосію, и отрывки изъ посланій святаго Прокла къ армянамъ и къ Іоанну антиохійскому, гдѣ между прочимъ приводятся и примѣры того, какъ анаѳематствованы были по смерти Аполлинарій—Аѳанасіемъ великимъ, Евтихій папою Львомъ, Оригенъ—при Θεофілѣ и потомъ при папѣ Вигиліѣ.

Наконецъ, въ дополненіе ко всему изслѣдованію дѣла о Θεодорѣ мопсуетскомъ прочитаны были дѣянія, составленные на помѣстнотъ соборѣ въ Мопсуетѣ (въ 553-же году). На этомъ соборѣ самые престарѣлые изъ клириковъ мопсуетской церкви показали подъ клятвою надъ св. евангеліемъ, что имя Θεодора очень давно исключено изъ церковныхъ диптиховъ, но когда именно — не знаютъ, а слышали это отъ своихъ отцевъ, — что на мѣсто Θεодора внесено имя Кирилла александрійскаго. Это показаніе подтвердилось пересмотромъ и сличеніемъ самыхъ древнѣйшихъ, какіе имѣлись, церковныхъ диптиховъ, въ которыхъ нигдѣ не ока-

залось имени Θεодора, кромѣ епископа Θεодора, родомъ галатянина, который умеръ назадъ тому три года.

Изъ всего этого изслѣдованія св. вселенскаго собора ясно видно было, что, согласно церковному преданію и опыту, еретиковъ должно анаѳематствовать и по смерти, и что Θεодоръ монсуетскій долженъ быть анаѳематствованъ соборомъ, тѣмъ болѣе, что онъ за нечестивыя сочиненія свои отверженъ былъ уже вселенскою Церковію по смерти своей. Но св. вселенскій соборъ отложилъ произнесеніе окончательнаго опредѣленія о Θεодорѣ дотолѣ, пока не будутъ разслѣдованы остальные *двѣ главы*, подлежащія его изслѣдованію и сужденію.—

К. Думитрашковъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОСКРЕСНЫЯ БЕСѢДЫ).

Мая 20. Недѣля св. отецъ. Читано житіе святителя Тихона, впрочемъ не буквально и подъ рядъ по книгѣ, а въ формѣ устнаго разказа, своими словами, съ приспособленіемъ языка и оборотовъ рѣчи къ понятіямъ простолюдиновъ,—и вотъ когда дошла рѣчь до того, въ какой бѣдности онъ жилъ, когда учился, одна изъ слушательницъ съ состраданіемъ выразилась: батюшко ты нашъ! въ какой ты нуждѣ жилъ, и лапти носилъ, да не брезговалъ ими и во святыхъ быть удостоился, а у насъ иные молодые люди стыдятся надѣть лапти даже на работѣ. Когда было разсказано о томъ, какъ святитель Тихонъ пріѣхалъ въ Новгородъ епископомъ, какъ къ нему явились новгородскіе священники и діаконы, нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ учившіеся, и какъ онъ, припоминая прежнія ихъ шалости, сказалъ имъ:

— П 1) См. № 33-й.

вы прежде кадили на меня оттонками лаптей, а теперь будете кадить и кадилами; одинъ изъ слушателей сказалъ: пошутили! Вотъ святые-то шутили же!

— Да вѣдь шутка шуткѣ розъ. Бываютъ шутки насмѣшливыя, обидныя; ими дурачатъ человѣка, надъ которымъ шутять. Есть шутки безобидныя, которыя никого не касаются, никого не оскорбляютъ. А иные любятъ шутить и надъ самими собой. Бываютъ шутки, такъ сказать, нравоучительныя, которыя допускаются съ тою цѣлю, чтобы подъ видомъ шутки вразумить человѣка и отучить его отъ какого либо недостатка, слегка и безобидно намекнуть кому-либо о старыхъ грѣхахъ и глупостяхъ, и чрезъ то вразумить его и научить. Если въ самомъ дѣлѣ въ словахъ святителя была укоризненная шутка; то шутка сего послѣдняго рода, шутка мягкая, безобидная, напоминающая шалости дѣтства и поучительная.—Такъ что же въ прошлый разъ кто говорилъ о діаволѣ-то?

— Я вотъ что въ прошлый разъ хотѣлъ спросить: кто діаволовъ сотворилъ?

— А ты какъ слыхалъ?

— Да я слыхалъ вотъ что. Когда Богъ сотворилъ ангеловъ, діаволъ и говоритъ: да я чѣмъ хуже Бога-то? самъ сотворю духовъ, слугъ себѣ. Взялъ угладъ да кремень или, по нашему, огниво и началъ сталью бить въ кремень; полетѣли искры, а изъ искоръ-то и вышло премногое множество злыхъ духовъ.

— Это нелѣпная басня, противная слову Божию. Сатана представляется творцемъ злыхъ духовъ, а я вамъ уже говорилъ и приводилъ свидѣтельства изъ св. Писанія, что все сотворено Богомъ. Еще напомию хотя слова апостола Павла: *тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видима и невидима, яже престоли, яже господствія* и проч. Въ этомъ изреченіи апостола Па-

вла и говорится именно о сотвореніи безплотныхъ духовъ: престолы, господствія, начала, власти, о которыхъ говорится здѣсь, — это ангельскіе чины. Затѣмъ было сказано о сотвореніи ангеловъ, о чинахъ ангельскихъ, о томъ, что все они сотворены были добрыми, святыми, свѣтлыми, о гордости и непослушаніи волѣ Божіей одного изъ высшихъ свѣтлыхъ духовъ, о увлеченіи имъ въ непокорность подчиненныхъ ему духовъ, и о томъ, что они изъ добрыхъ духовъ сдѣлались злыми, лишены свѣта и блаженства, или говоря иносказательно нашимъ языкомъ, свергнуты съ неба.

— Я слыхалъ, что архангелъ Михаилъ назывался сначала Миха, а у сатаны было имя сатанаилъ. Когда сатанаилъ возсталъ противъ Бога и поставилъ на небѣ свой престолъ, Богъ и говоритъ архангелу Михѣ: свергни его съ неба и ты наречешься Михаилъ, а онъ сатана. Вотъ, чуешь, архангелъ сталъ бороться съ сатанаиломъ. Сатанаилъ не поддавался. Архангелъ таки одолѣлъ его и свергъ съ неба и за то нареченъ Михаилъ. Богъ отнялъ у сатанаила полъ-имени и отдалъ его архангелу.

— Все это выдумки и басни. Ничего этого нѣтъ въ св. писаніи: Не вѣрьте этимъ выдумкамъ.

— Да какъ-же на дѣяніяхъ-то (картина страшнаго суда, что стоитъ на панерти) написано, что архангелъ свергаетъ діаволовъ съ неба, и они летятъ въ адъ какъ попало, кто вверхъ ногами, а внизъ головой, а иной держится за хвостъ другаго.

— Да вѣдь эти картины сочинили и писали люди же, живописцы; первые, сочинившіе эту картину, написали ее такъ подѣ влияніемъ тѣхъ ходячихъ басенъ, которыя вы рассказывали: какъ вѣрили и думали, такъ и писали. А впрочемъ и то надобно сказать, что иконописцы подѣ изображеніемъ падающихъ съ неба злыхъ духовъ разумѣли иносказательный смыслъ. Духа безплотнаго изобразить на кар-

тинѣ красками нельзя. Вотъ и принято изображать ихъ черными, страшными и уродливыми существами, съ огненными глазами, съ страшной пастью, съ безобразной головой, съ рогами, съ когтями на рукахъ и на ногахъ, съ крыльями летучей мыши и съ хвостомъ змѣи.

Но это не значить, что злые духи дѣйствительно имѣють такой видъ: это только символическое изображеніе ихъ. Равнымъ образомъ, чтобы выразить на картинѣ отвлеченную мысль о паденіи злыхъ духовъ, объ удаленіи ихъ отъ Бога, о лишеніи ихъ свѣта и блаженства, живописцы изображали это подъ видомъ сверженія ихъ съ неба, и представили ихъ летящими внизъ. Понимать эту картину надобно не буквально, а въ иносказательномъ смыслѣ.

— Когда, чуешь, сатана былъ свергнутъ съ неба, то летѣлъ внизъ съ діаволомъ три дня и три ночи. Летить, летить,—а конца нѣтъ! Вотъ, чуешь, и вспомнилъ же Бога и сказалъ: Господи! да докуда же это будетъ? Какъ, чуешь, сказалъ это, такъ и остановился на томъ мѣстѣ; тутъ и сдѣлался адъ.

— Сами же вы прошлый разъ мнѣ рассказывали, что діаволъ сверженъ съ неба еще до сотворенія міра, а теперь говорите, что онъ летѣлъ три дня и три ночи. Если это было до сотворенія міра, то дней и ночей тогда еще не было: какъ же это такъ,—дней и ночей не было, а сатана летѣлъ три дня и три ночи. Видите ли, какое противорѣчіе въ этихъ ходячихъ басняхъ? басни эти сами себя обличаютъ въ нелѣпости. А потомъ, я уже вамъ говорилъ, что діаволъ есть духъ, не имѣющій вѣсу, тяжести. Какъ онъ могъ летѣть, или падать сверху внизъ? А что діаволъ остановился летѣть, что вспомнилъ и помянулъ Бога, это выдумка: нигдѣ въ Писаніи объ этомъ не говорится.

— Отъ чего, батюшко, звѣзды падаютъ? спросилъ одинъ.

— Зачѣмъ это любопытно знать?

— Да говорятъ: это архангель Михаилъ свергаетъ съ неба діаволовъ; такъ это они летятъ.

Ну, теперь объ этомъ толковать некогда. Поговоримъ объ этомъ въ слѣдующій разъ. Ты мнѣ объ этомъ напомни.

— А я слыхаль, что когда діаволы падали съ неба, тогда иные пали въ лѣсъ и вышли лѣшіе, другіе въ воду—это черти и чертовки, иные въ дома,—это сусѣдки.

— И объ этомъ поговоримъ послѣ.

Мая 27. Недѣля пятидесятницы. Расказана исторія сошествія св. Духа на апостоловъ, и объяснено, почему этотъ день называется днемъ св. Троицы, изложено учение о св. Троицѣ. Сказано такъ же и о перстосложеніи и значеніи его.

— Знаете ли вы, какія молитвы св. Троицѣ?

— «Пресвятая Троице, помилуй насъ».

— Такъ; но не эта одна. А «святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ»? А «слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу»? Это тоже молитвы къ Пресвятой Троицѣ.

Потомъ эти молитвы были объяснены; указано также, что въ числѣ утреннихъ молитвъ есть молитва Пресвятой Троицѣ: *Воставше отъ сна припадемъ Ти, Блаже,* и другія. Эти молитвы тоже объяснены.

— Такъ что же въ прошлый разъ говорилъ кто-то о паденіи діаволовъ съ неба?

— Когда, чуешь, діаволы летѣли съ неба, тогда иные падали въ дома, отъ того произошли домовые или сусѣдки; другіе пали въ лѣсъ, изъ этихъ вышли лѣшіе, что кажутся людямъ въ лѣсу; иные пали въ воду; изъ этихъ вышли черти и чертовки, что живутъ въ омутахъ рѣкъ, подь мельницами и въ прудахъ.

— Все это простонародныя выдумки; произошли онѣ отъ воображенія младенствующаго народа, который въ своихъ

понятіяхъ о природѣ и въ познаніяхъ религіозныхъ предметовъ ушелъ не много дальше младенцевъ. Сами же вы говорите, что діаволы свергнуты съ неба еще до сотворенія міра, когда не было ни земли, ни воды, ни лѣсовъ, ни домовъ. Какъ же они могли попасть въ воду, въ лѣсъ, въ дома, когда этого ничего не было? Посудите сами; вѣдь это совершенная невозможность: падать въ то, что еще не существуетъ. Я ужъ вамъ говорилъ что діаволы духи, не имѣющіе вѣсу, тяжести; стало быть падать не могутъ. Это вторая невозможность. Діаволы духи, одаренные свободою. Какъ духи, они мгновенно могутъ переноситься съ мѣста на мѣсто чрезъ тысячи верстъ въ одинъ мигъ, подобно тому, какъ мы въ мигъ переносимся мыслию, воображеніемъ чрезъ огромныя пространства. Если бы нѣкоторые изъ злыхъ духовъ дѣйствительно при паденіи съ неба попали въ воду, въ лѣсъ; то что за неволя оставаться имъ тамъ, сидѣть въ водѣ, въ лѣсу? Я ужъ вамъ говорилъ, что злые духи стараются соблазнять людей, ввести въ грѣхъ, погубить ихъ души и лишитъ вѣчнаго спасенія. Зачѣмъ же злымъ духамъ оставаться въ голбцѣ, въ лѣсу, въ водѣ? Тамъ нѣтъ людей, некушать некого. Не усидѣли бы они въ голбцѣ или въ лѣсу. Сверхъ того эти злые духи, попадавшіе въ лѣсъ и въ голбцъ, представляются въ народномъ воображеніи не такъ злыми, какъ они злы на самомъ дѣлѣ и даже нѣсколько добрыми, какъ будто они переродились; напр. по простонароднымъ толкамъ лѣшій только тотъ вредъ дѣлаетъ, что обмрачиваетъ меловѣка, скрываетъ отъ него дорогу, такъ что человѣкъ въ лѣсу плутаетъ пока не посулитъ лѣсенному табаку, а сусѣдко и домовою представляются даже нѣсколько добрымъ; напр. если онъ полюбитъ хозяина, то у него и скотина ведется и все въ дому спорится. Нестественно, чтобы злые духи сдѣлались если не совершенно, то хотя нѣсколько добрыми.

И человекъ злой, порочный, развратный не вдругъ перемѣняется къ лучшему, не вдругъ исправляется и дѣлается добрымъ, а если и бываютъ случаи, что нѣкоторые порочные люди вдругъ перемѣняются, такъ сказать, совершенно перерождаются; то такое перерожденіе совершается въ нихъ при помощи благодати Божіей. Злые духи такъ ожесточились во злѣ, что не могутъ сдѣлаться сколько нибудь добрыми: зло вошло въ природу ихъ, стало ихъ природою. Барсъ не можетъ перемѣнить пестроты своей и негръ своей кожи, которая у него черная, не такая, какъ у насъ бѣлая. Ужъ я не говорю о томъ, что о паденіи злыхъ духовъ въ лѣсъ, въ воду ни слова не говорится въ св. Писаніи, да о такихъ нелѣпостяхъ въ словѣ Божіемъ и не можетъ быть и рѣчи. Что сказки о богатыряхъ Ерусланъ Лазаревичъ и Бовъ Королевичъ, тоже и народное повѣрье о водяныхъ чертяхъ, о лѣшихъ и домовыхъ. Какъ сказки придуманы воображеніемъ младенствующаго народа, такъ и повѣрье о лѣшихъ и сусѣдкахъ есть произведеніе народной фантазіи.

Послѣ этого было сказано кое-что объ историческомъ происхожденіи этихъ народныхъ повѣрій, о томъ, что многія изъ этихъ повѣрій, перешли къ нынѣшнимъ поколѣніямъ отъ нашихъ предковъ славянъ, которые были язычники, признавали многихъ боговъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ признавали хозяевами и покровителями нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ напр. горъ, лѣсовъ, воды, домовъ.

— Вѣрьте на основаніи слова Божія, что есть злые духи, или дьяволъ, которые лишены свѣта и блаженства, стараются вредить нашему спасенію, но не вѣрьте тому, что есть особые сорта злыхъ духовъ, какъ то: водяные черти, лѣсные-лѣшіе, домовые или сусѣдки.

— У насъ дѣдушка кормилъ сусѣдка пельменями, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Какъ же онъ его кормилъ и гдѣ?

— Въ заговѣнье у насъ остались пельмени; дѣдушка и говоритъ: развѣ покормить сусѣдка, чтобы добрѣе былъ до насъ и до скотинушки; потомъ наложилъ пельменей на дощечку и унесъ въ голбець.

— Много ли же онъ положилъ пельменей?

— Эдакъ до пятка.

— Что же съѣлъ сусѣдка пельмени?

— Съѣлъ; утромъ пошли въ голбець, а пельменей на доскѣ нѣтъ.

— Дѣло очень просто: пельмени съѣли либо кошки, либо мыши. Вѣдь сусѣдка въ голбцѣ никто не видалъ; стало быть онъ духъ невидимый, безтѣлесный, неимѣющій челюстей, рта и желудка. Какъ же духъ можетъ ѣсть дѣдушковы пельмени? Духи не пьютъ и не ѣдятъ.

— А я такъ вотъ что слыхалъ о лѣшихъ, подовинныхъ и сусѣдкахъ, сказалъ одинъ изъ ремесленниковъ. Одна баба родила семериковъ (7 младенцевъ близнецовъ). Ей стыдно было нести всѣхъ крестить въ церковь, она и спрятала одного въ голбець, другаго въ подовинъ¹⁾, иного въ лѣсъ, а иного въ воду. Они и остались не крещенными. Вотъ они и превратились въ домовыхъ, овинныхъ, въ лѣшихъ, въ чертей.

— Такъ вотъ оно! находится еще новый сортъ духовъ: овинные! И это повѣрье нелѣпо; это тоже выдумка. Вотъ у его дѣдушки духи ѣдятъ пельмени; а по этому повѣрью люди превратились въ духовъ. Это совершенная невозможность, чтобы младенецъ превратился въ духа. Младенецъ могъ умереть подъ овиномъ или въ голбцѣ; аѣло его могло пстаѣть, обратиться въ прахъ, но не превратиться въ духа. Во младенцѣ была душа человѣческая; душа осталась. Но мѣсто для душъ словѣческихъ, по разлученіи ихъ съ тѣломъ, по ученію слова Божія, въ раю или въ аду, а не въ голбцѣ или подъ овиномъ, либо въ лѣсу. Души младенцевъ умершихъ безъ крещенія получаютъ мѣсто въ мірѣ духовномъ по волѣ Бога, благаго и правосуднаго.

¹⁾ Яма подъ овиномъ или ригой, въ которой раскладывается огонь для сушки хлѣба въ снопахъ.